

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА И МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

А.В. Алевич, аспирант Высшей школы перевода (факультета)
МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: anisialevich@yandex.ru

РАЗУМ И ЧУВСТВА КАК РАВНОДЕЙСТВУЮЩИЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ

Статья посвящена рациональному и эмоциональному началу экспрессивных фактов языка, лежащих в основе сопоставительно-стилистических разысканий выдающегося швейцарского лингвиста Ш. Балли. Выделение, идентификация, классификация выразительных средств языка, направленные на определение эмоциональной составляющей речевых фактов, опираются на метод сопоставления с понятийным языком «чистых идей», соответствующих тенденциям человеческой психики. Сопоставление может выходить за рамки одного языка и охватывать языки, объединенные общностью психического склада, вскрывая эмоциональную окрашенность фактов языка, образующих систему благодаря живым языковым ассоциациям, лежащим в основе языковых чувств. В статье также предпринимается попытка установить истоки функционализма, которые прослеживаются в выделении социальной окраски речевых фактов, оказывающих влияние на формирование языка определённой сферы деятельности и функционирование языковых систем в сходных ситуациях общения.

Ключевые слова: логика, чувства, сопоставительная стилистика, функциональная стилистика.

Anissa V. Alevich, Postgraduate Student at the Higher School
of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia;
e-mail: anisialevich@yandex.ru

REASON AND EMOTIONS AS CONSTITUENTS OF COMPARATIVE LANGUAGE STUDIES

The article studies the rational and emotional nature of the expressive means of language that form the basis for the comparative-stylistic analysis proposed by the outstanding Swiss linguist Charles Bally. Isolation, identification and the classification of expressive means of language aimed at determining the emotional component of speech are based on the method of comparison with the conceptual language of “pure ideas” reflecting peculiarities of the human psyche. The comparison may include languages united by a common psychological structure revealing the emotional side of language patterns that constitute the system due to the living language associations. The article also attempts to establish the origins of functionalism, which can be traced in the social aspects of language patterns that influence the parlance of a specific field as well as the functioning of language systems in similar situations of communication.

Key words: logic, emotions, comparative stylistics, functional stylistics.

Взаимодействие эмоций и рассудка, чувственного и рационального, упорядоченного и хаотичного находились в основе теории познания со времён Античности. Одни, подобно Аристотелю, противопоставляли торжество разума, истинное бытие, чувственному восприятию, «мнимой мудрости» [Аристотель, 1976: 123]. Другие, подобно Платону, называли эмоции первоначалом, позволяющим «созерцать умопостигаемое» [Платон, 1994: 603]. С течением времени чувственное и рациональное начало стали восприниматься как неделимые, взаимодополняющие составляющие человеческого познания, вырастающие из общего, «неизвестного корня», которыми являются чувственность и рассудок, поскольку «...посредством чувственности предметы нам даются, рассудком же они мыслятся» [Кант, 1964: 123–124].

Логическая идея и чувства, формирующие экспрессивные факты языка, находились в основе стилистических разысканий выдающегося швейцарского лингвиста Ш. Балли. «Деятельность рассудка и эмоциональные импульсы совместно определяют систему выразительных средств языка подобно тому, как они делят между собой всю нашу душевную жизнь» [Балли, 2001: 186], — писал он во «Французской стилистике» (*Traité de stylistique française*), вышедшей в 1909 году и заложившей основу сопоставительного изучения европейских языков. «Французская стилистика», дополненная вторым практическим томом, на примерах иллюстрирующим теоретические положения автора, представляла новый взгляд на изучение стилистики романских языков.

Ш. Балли призывал отойти от традиционных методов исследования языка и первостепенное значение уделить соотношению речи и мышления. Речь представляется системой символов, выражающей содержание мыслительных процессов, в которых переплелись элементы рассудочные и эмоциональные, что придаёт исследованию психологический характер, в то же время не заслоняющий лингвистический подход к изучению фактов речевой системы, «поскольку предметом исследования является речь, выражающая мысль, а не мысль, стоящая за речью» [Балли, 2001: 16].

Стилистика, согласно Ш. Балли, изучает взаимодействие и эмоциональную составляющую речевых фактов и опирается на метод сопоставления, в основе которого лежит принцип соотносительности, поскольку эмоциональная наполненность слова может восприниматься лишь при неосознанном сопоставлении с другими близкими или противоположными по содержанию речевыми фактами. Стилистическое исследование, согласно Ш. Балли, заключается в изучении содержания экспрессивных фактов языка, которые различаются тончайшими оттенками значений, поскольку

речевой акт не может быть исключительно эмоциональным или рассудочным, а человек — принадлежать к одному из четырёх психологических темпераментов.

Изучение экспрессивной системы речевых фактов является наивысшей задачей стилистики и складывается из нескольких стадий. Предварительная стадия заключается в выделении экспрессивного факта языковой системы равного единице мысли на предмет дальнейшей идентификации. Под единицей мысли понимаются представления, понятия, идеи, которые не ограничиваются рамками слова, обманчивой, иллюзорной сущности.

Определяя в качестве ключевой категории стилистики единицу мысли, Ш. Балли говорит о существовании «европейской стилистики», основываясь на существовании европейского психического склада, который образовался во времена Древней Греции и Рима и постепенно распространился на страны Европы. Духовная общность проявилась не только в явных языковых параллелях, позволяющих сравнивать языки, не состоящие в лингвистическом родстве, но и отношении между языком и мышлением, ходе мысли, нашедшем отражение в экспрессивных фактах языка. Ш. Балли писал: «Общие черты европейских языков являются той основой, которая позволяет стилистике расширить сферу своей деятельности, центром которой является родной язык, и изучать с точки зрения последнего другие современные языки» [Балли, 2001: 42]. Сопоставление языков вначале выявляет сходства, а впоследствии и различия, что позволяет прочувствовать эмоциональную составляющую выражений из «сокровенных» уголков языка, используемых бессознательно в родном языке.

Выделение единиц мысли путем рассечения слова, в частях которого, как традиционно принято считать, кроются элементы смысла, Ш. Балли называет порочным препятствием на пути стилистики на начальном этапе выделения речевых единиц. Стремление к этимологизации, помимо попытки сложить смысл речевого акта из совокупности мельчайших фрагментов слов, противоречит духу стилистики как науки. Стилистика изучает связи слов, существующие в языковом сознании, сотканные из спонтанных ассоциаций, а обращение к прошлому поощряет развитие искусственных, ложных ассоциаций и носит аналитический характер, а воссозданные ассоциации рассудочны, не учитывают взаимодействие языковых чувств. Стилистика не имеет права «искусственно воскрешать» языковые чувства, которые угасли с течением истории. «Явления, которые не интересуют говорящего, не должны интересовать и стилистику», — писал Ш. Балли [там же: 73].

Живая мысль и живые языковые ассоциации находятся в центре внимания стилистики, словарный состав языка не представляется «геометрически правильной конструкцией», поэтому главную роль играет не родство этимологическое, иллюстрирующее историю языка и не связанное со стилистикой, а родство семантическое. Стремление к этимологизации не связано с этимологией как лингвистической наукой, а заключается лишь в стремлении связать между собой внешне сходные слова или формы слов, не уделяя внимания смыслу. Так, замена языковых символов языка перевода символами переводящего языка, минуя мысль как таковую, концентрирует внимание на простейших элементах речи, выхваченных из речевой цепи на основании поверхностных формальных признаков, чуждых механизмам мышления, в то время как стилистика основывается на выделении единиц мысли и нахождении их соответствия речевым фактам. Слово может являться составным с точки зрения грамматики, но не стилистики, поскольку в ходе исторического развития могло слиться в одну единицу смысла. Лексическая система языка не строится по единой этимологической схеме, что связано с различием в укладе жизни народов, условий, в которых функционирует язык. Таким образом, стремление к этимологизации может привести не только к неверному пониманию смысла иностранного слова, опираясь на внешнюю сходность, но и в дальнейшем к естественному для человеческого мышления созданию несуществующих слов, которые не имеют никакого отношения к реальной действительности.

Ш. Балли полагал, что человек мыслит идеями, которые представляют собой психологический акт, совершаемый разумом для приближения к реальной действительности. Однако усилия приблизиться к объективной реальности тщетны, поскольку человек является рабом собственного «я». Он писал: «Мы постоянно приписываем его [собственное «я». — *Прим. А.В.*] к явлениям действительности, и последняя не отражается, а преломляется в нас» [там же: 22–23]. Индивидуальность соткана не из абстрактных, обезличенных идей, а эмоций, чувств, побуждений, составляющих духовную жизнь человека, поэтому экспрессивный факт выделяется путём подстановки соответствующего неэмоционального, нейтрального слова, чтобы отделить логическое содержание от эмоциональной стороны, которая может выражаться, в том числе, интонацией, определяться окружением речевого факта, опущением грамматически значимых конструкций.

Предварительная стадия стилистического исследования не ограничена рамками стилистики и оперирует категориями лексики и грамматики, поскольку методы стилистики носят преимущественно

эмпирический характер и с самого начала могут «затемнить истинную картину вещей».

На втором этапе стилистика стремится к определению экспрессивного факта, выделению его логических объективных оттенков и идентификации. Определение экспрессивного факта заключается в вычленении неразложимого элемента, где в письменной речи ключевую роль играет контекст, сочетание нескольких взаимообусловленных лексических единиц, а устной — ситуацию, мимику и интонацию, которую иногда называют «звучащей мимикой».

За определением экспрессивного факта следует идентификация, которая заключается в приравнивании экспрессивного факта к простому понятию, которое словно в «зародыше» содержит в себе остальные слова синонимической группы, поскольку экспрессивные факты хранятся в человеческой памяти не поодиночке, а группами. Из синонимического ряда, который возникает в памяти благодаря ассоциациям, создающим бессознательную синонимию, необходимо выделить один, который содержал бы в себе свойства, присущие другим синонимам данного ряда и выражающие основной смысл. Таким образом, идентифицирующее слово представляется наиболее нейтральным выражением мысли, очищенным от элементов субъективной оценки. Данная операция носит исключительно рассудочный характер, лишённый эмоциональной составляющей.

Несмотря на то, что абсолютных синонимов в языке не существует и не для каждого речевого факта можно подобрать идентифицирующее слово, в большинстве случаев данная операция представляется возможной. «Всегда имеется множество фактов почти совершенно равнозначных с точки зрения логического значения и отличающихся друг от друга совсем иными особенностями, то количество соответствий, пригодных для идентификации, окажется весьма внушительным», — писал Ш. Балли [там же: 133]. Экспрессивные факты образуют систему, а ассоциации делают возможным многочисленные сочетания слов, которые возникают в сознании и сопровождаются эмоциями.

Идентификация заключается в нахождении простого понятия, соответствующего нечленимой единице мысли и выраженного в наиболее абстрактной и объективной форме, которая соответствует чистой идее и не затрагивает область чувств. Цель идентификации заключается в подборе абстрактного слова, выражающего мысль в простейшей форме. В качестве нормы Ш. Балли призывает опираться на идеальные способы выражения, не существующие в чистом виде, однако реальность которых не вызывает сомнений, поскольку опирается на тенденции человеческой психики. К ним

относятся рассудочный и эмоциональный способы выражения. Рассудочный способ, принятый в научной литературе, Ш. Балли называет также языком «чистых идей», а эмоциональный, где точкой опоры служит разговорная речь, единственный живой язык, являющийся не нормой для сопоставления, а объектом пристального изучения стилистики, «источником вечной молодости», на котором говорит эмоциональная сторона человеческого существа.

Идентификация считается завершённой, если слово-идентификатор не несёт в себе дополнительных оттенков значений относительно идентифицируемого речевого факта, и основное содержание с точки зрения логического значения слова-идентификатора и речевого факта совпадает и является взаимозаменяемым. Однако речевой факт и слово-идентификатор должны сопоставляться не изолированно, а в контексте, то есть к логической равнозначности добавляется равнозначность грамматическая. Основываясь на совокупности «прямых» выразительных средств (идентифицирующих слов) и «косвенных» выразительных средств (рассудочных грамматических форм), становится возможным создание понятийного языка. Ш. Балли писал: «Такой язык (понятийный язык. — *Прим. А.В.*) является идеальной конструкцией, не существующей как целостная система, однако в своих частных проявлениях он отражает некую реально существующую направленность человеческого разума, которая обнаруживается тогда, когда мы стремимся выделить чистую идею, лишённую всякой эмоциональной окраски» [Балли, 2001: 142–143]. Создание идеального языка необходимо для стилистики, поскольку данный способ позволяет на контрасте с логическим содержанием определить эмоциональную наполненность речевых фактов и осветить различные формы выражения мысли.

Если на первом этапе стилистических разысканий существенным препятствием является этимологизация, стремление к сложению смысла из мельчайших частиц речевого факта, то на втором этапе проявляется противоположная тенденция, которая заключается в установке рассматривать в качестве единицы мысли предложение, воспринимаемое как нечто целостное, а «излишнее расчленение» заменяется неким общим впечатлением. Подход, при котором не подвергаются анализу составные единицы смысла, возникающие в качестве цепочки образов в сознании говорящего во время восприятия предложения, также пагубно сказывается на стилистическом анализе.

Следующим этапом после идентификации является классификация речевых фактов. Классификация речевых фактов является естественным продолжением идентификации и строится на логическом обобщении, выходящем за рамки категорий рода и вида.

Классификация носит исключительно рациональный характер и является важной опорой для стилистического исследования, поскольку идентифицирующее слово является отправной точкой для дальнейшего сопоставления, в ходе которой будет устанавливаться эмоциональная окрашенность речевых фактов. Составление таблиц, схем, и в конечном итоге словарей, где речевые факты группируются вокруг идентифицирующих слов, является основной задачей классификации. Принцип, по которому речевые факты располагаются внутри словаря, заключается в следовании от логического абстрактного речевого факта к эмоциональному и конкретному. Стержневые слова, открывающие словарную статью, берутся не из литературных произведений, а из научной литературы, приближенной к понятийному языку, языку «чистой идеи». Процесс составления словаря не носит механический характер, а является творчеством, требующим «тонкого чутья языка», такта и вкуса.

Дальнейшим этапом стилистического исследования становится выявление стилистической окраски и эмоциональной наполненности слова, определяющей его положение в системе языка. Логика и чувства в различных пропорциях отражают ход человеческой мысли, а логическая и эмоциональная доминанты вступают в постоянное взаимодействие. Ш. Балли писал: «В родном языке лингвистические чувства обволакивают и пронизывают собой всё, что бы мы ни говорили или слышали; мы гораздо больше чувствуем, нежели понимаем» [там же: 189]. Слова, обозначающие конкретные предметы окружающей действительности, вначале вызывают чувства, а затем идеи, что противоположно восприятию слова в иностранном языке, где отсутствуют языковые ассоциации, приводящие к чрезмерному «интеллектуализму» при изучении языка. Контекст, словесное окружение, служит ограничивающим фактором, где эмоциональный заряд слова может проявиться или уступить место логической составляющей.

Выделение собственно эмоциональной окраски речевого факта путём сопоставления с логическим или рассудочным языком, который служит фоном для определения эмоциональной наполненности речевого факта, не является конченным этапом стилистического исследования. К эмоциональной окраске примешивается социальная окраска речевого факта, выделяемая путем сопоставления с общим языком. В то же время если эмоции являются достоянием определённой личности, то речь, как явление социальное, делает их достоянием общественности, что создаёт широкое пространство для недосказанности, двойственной интерпретации, а также формы выражения в зависимости от условий общения.

Выделение социальной окраски речевых фактов отражает глубоко социальный характер речи, а «социальные чувства», которые оказывают влияние на индивидуальные чувства, а иногда полностью их замещают, лежат в основе формирования языка определённой сферы деятельности. Ш. Балли писал: «Каждое более или менее оформленное сообщество людей и каждый вид деятельности стремится создать свой особый «язык». Такое «языкотворчество» объясняется целым рядом обстоятельств, чаще всего специфическими потребностями, свойственными каждой отдельной форме существования и мысли; совокупность людей, которым присуща данная форма речи, и совокупность условий, определяющих её создание и сохранение, — вот что мы называем (за неимением более точного термина) «средой» [там же: 252].

Социальные чувства, разграничивающие языки различных сфер общения, которые видятся не параллельными, а взаимопроникающими мирами, переплетёнными в рамках определённой личности, служат прообразом функциональной стилистики, принцип которой заключается в «выявлении закономерных сходств и расхождений в *функционировании* языковых систем в типических коммуникативных актах» [Гарбовский, 2013: 18], и ставшей закономерным этапом сопоставительно-стилистического исследования.

Чувства и разум, доминанты, находящиеся в постоянном противодействии и формирующие экспрессивные факты языка, находились в центре внимания стилистических разысканий Ш. Балли. Рассудочная и эмоциональная стороны речевых фактов выявляются путем сопоставления с понятийным языком «чистых идей», опирающимся на тенденции человеческой психики. В то же время сопоставление может выходить за рамки одного языка и охватывать языки, объединённые общностью психического склада, что позволяет прочувствовать эмоциональную составляющую выражений из «сокровенных» уголков языка, используемых бессознательно в родном языке. Стилистическое исследование заключается в выделении и идентификации выразительных средств языка, классификации и определении эмоциональной составляющей речевых фактов, распадающихся на собственно эмоциональную и социальную окраску. «Социальные чувства», лежащие в основе социальной окраски речевых фактов, оказывают влияние на формирование языка определённой сферы деятельности, в которой видится прообраз функциональной стилистики, ставшей закономерным продолжением сопоставительной стилистики.

Список литературы

Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. 550 с.

Aristotle. Soch.: v 4 t., t. 1. Moscow: Mysl', 1976. 550 p. (in Russian).

Балли Ш. Французская стилистика / Пер. с фр. К.А. Долинина. М.: Эди-
ториал. УРСС, 2001. 392 с.

Balli, Sh. Francuzskaja stilistika [French stylistics], Sharl' Balli, per. s fr. K.A. Do-
linina. Moscow: Jeditorial. URSS, 2001. 392 p. (in Russian).

Гарбовский Н.К. Сопоставительная стилистика и методология перевода //
Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2013. № 1. С. 14–36.

Garbovsky, N.K. Sopostavitel'naja stilistika i metodologija perevoda [Compara-
tive Stylistics and Translation Methodolog], *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 22. Teo-
rija perevoda*. 2013. No 1. pp. 14–36 (in Russian).

Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 801 с.

Kant, I. Soch.: V 6 t. T. 3. Moscow: Mysl', 1964. 801 p. (in Russian).

Платон. Соч.: В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. 654 с.

Platon. Coch.: V 3 t. T. 3. Moscow: Mysl', 1994. 654 p. (in Russian).